

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Къ вопросу о финнскомъ вліяніи на великорусское племя.

Н. Ю. Зографъ. Антропометрическія изслѣдованія мужскаго великорусскаго населенія Владимирской, Ярославской и Костромской губерній. М. 1892.

Отдѣль Антропологія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологія и Этнографія поручилъ профессору Н. Ю. Зографу произвести антропометрическія наблюденія въ предѣлахъ Владимиро-Суздальскаго края, выразивъ при этомъ желаніе, чтобы онъ по преимуществу изслѣдовалъ мѣста по верхнему течению Волги или между верхнимъ течениемъ Волги и Окою. Проф. Зографъ по разнымъ соображеніямъ остановился на губерніяхъ Владимирской, Ярославской и Костромской и произвелъ измѣренія 191 уроженцевъ этихъ губерній, по преимуществу заводскихъ рабочихъ, маляровъ, плотниковъ, трактирныхъ служителей, а сверхъ того, воспользовался свѣдѣніями о призывахъ къ исполненію воинской повинности.

Мы не беремся судить о томъ, какъ измѣрялъ г. Зографъ; разными образомъ въ нашу задачу не входитъ сопоставленіе его данныхъ съ данными другихъ антропологовъ. Наше дѣло лишь сообщить результаты его изслѣдованія.

«Какъ тѣ антропологическія данные, которыхъ получены наблюденіями моими и Н. И. Лыжина, такъ и тѣ данные, которыхъ даетъ намъ литература, убѣждаютъ насъ въ томъ, что Великоруссы не являются народностью чистою, однообразною, что, напротивъ того, въ Великоруссіи смѣшано нѣсколько типовъ, и типовъ, повидимому, разнообразныхъ и многочисленныхъ. Число этихъ типовъ, давшихъ начало великорусскому народу, опредѣляется разными авторами различно. Большая часть авторовъ, въ тоиъ числѣ почти всѣ многочисленные изслѣдователи культуры и языка русскаго народа, склонны къ тому, чтобы видѣть въ русскомъ народѣ вообще, въ Великоруссахъ же центральной Россіи въ частности слитіе двухъ преобладающихъ типовъ—славянскаго пришлага, не коренного въ Великой Россіи, и древняго, коренного обитателя, который называется одними финской, другими угорской, третьими болѣе общимъ названіемъ—урало-алтайской народностью»... Типы Великоруссовъ изслѣдованныхъ г. Зографомъ губерній «группируются въ двѣ довольно удобно различимыя группы, имѣющія общіе признаки, довольно характерно отличающіе ихъ другъ отъ друга», въ два общія типа: великорослый и низкорослый.

Первый типъ имѣеть «какъ средній, такъ и наиболѣе часто встрѣчающійся» ростъ около 1700 миллиметровъ; голову у него «суббрахицефалична, но съ наклонностью къ мезатицфалии и съ случаями долихоцефалии»; цвѣтъ волосъ преимущественно—свѣтлорусый, глазъ—серый.

Второй типъ имѣеть «какъ средній, такъ и наиболѣе часто встрѣчающійся» ростъ около 1630 миллиметровъ, голову суббрахицефаличную, съ наклонностью къ брахицефалии, цвѣтъ волосъ преимущественно—темнорусый, глазъ—серый.

Родоначальники первого типа, высокорослого и свѣтловолосаго, имѣющаго себѣ много родственнаго въ типахъ Вѣлоруссовъ, Малоруссовъ, Литовцевъ,—Славяне; родо-

начальники втораго, низкорослого и темноволосаго, заключающаго въ себѣ черты близкія къ чертамъ Пермяковъ, Вотяковъ, Черемисъ, Мордвы,—автохтоны Финны¹⁾.

Таковы результаты изслѣдованія проф. Зографа. Они всякому сколько-нибудь знакомому съ предметомъ сразу винчаютъ полное недовѣріе. Вѣдь ближайшіе родичи Великоруссовъ, въ которыхъ никто еще не подозрѣвалъ финской пріимѣсъ,—Бѣлоруссы²⁾ и Малоруссы³⁾, по преимуществу брахицефалы и зачастую—особенно Малоруссы—темноволосые! Вѣдь ближайшіе родичи Русскихъ—Сербы, Чехи, по преимуществу также брахицефалы и темноволосые! Вѣдь Финны Сибири—долихоцефалы, а собственно—Финны и Эсты, а отчасти и восточные Финны, свѣтловолосые! Вѣдь Поляки—по преимуществу низкорослы, а Эсты—великорослы⁴⁾.

И дѣйствительно, выводы проф. Зографа не имѣютъ права называться выводами. Авторъ получилъ ихъ не путемъ сравнительно-антропологического изслѣдованія Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ съ Малоруссами, Русскихъ вообще и другихъ Славянъ, Славянъ вообще и Финновъ (которое одно могло бы имѣть цѣну), а на основаніи историко-филологическихъ теорій.

Мы, конечно, отнюдь не считаемъ себя въ правѣ ставить г. Зографу въ упрекъ то, что онъ не занялся изученіемъ нашихъ лѣтописей или лингвистическими изслѣдованіями. Мы съ горестью признаемъ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе.

Наши историки почти всѣ утверждаютъ, что Русские, предки Великоруссовъ, заили мѣста инынѣшняго Великорусского центра мирнымъ путемъ, что они поселились на земляхъ никѣмъ не занятыхъ, рядомъ съ автохтонами Финнами, что они ассимилировали съ собою этихъ Финновъ, что въ Великоруссахъ центра такимъ образомъ течетъ столько же славянская, сколько и финская кровь. Ученіе нашихъ историковъ легло въ основаніе известной теоріи Духинскаго о Великоруссахъ, до сихъ поръ повторяемой западно-европейскими учеными и публицистами, которая была бы простымъ логическимъ выводомъ изъ него, если бы не заключала въ себѣ слишкомъ большихъ преувеличеній...

Лишь Костомаровъ высказался иначе. Въ одной изъ статей его мы читаемъ: «Финскія племена, жившія на земляхъ инынѣшняго Великорусского центра и давшія въ до-историческое время названія мѣстностямъ, сохранившимъ ихъ и до сихъ поръ, уступая наплыву славянскаго племени, отодвигались далѣе къ востоку и юго-востоку»...

¹⁾ Стр. 172—175.

²⁾ «Бѣлорусы Віленской губ. отличаются какъ отъ Литовцевъ, такъ и отъ Великороссіи темиъмъ цвѣтомъ волосъ и глазъ, иѣсколько выдающимъ носомъ и худощавостью». Этнографич. Сборн. III, 122.—Бѣлоруссы Вітебской губ. имѣютъ средній ростъ, полусмуглое лицо, различный цвѣтъ волосъ: чаще русый и свѣтлорусый, гораздо реже совершенно черный и рыжій. Кназъ Долгоруковъ, Вітебская губ. Историко-географ. и статистич. обзоръ, Вітебскъ, 1890, стр. 236.

³⁾ Какъ разнообразны типы малорусского населения въ мѣстахъ его древней терри- торіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ описаний жителей двухъ частей Волынскаго Полѣсъя. «Коренній житель» Полѣсъя, говорится въ однѣмъ, имѣть русые волосы, голубые глаза, складъ лица болѣе широкій, чѣмъ продолговатый, съ узкимъ лбомъ, средній ростъ; «черноволосыхъ и черноглазыхъ Полѣшуковъ не видно» (Волынск. Губернск. Вѣдом. 1868 г. № 125).

«Полѣскій народъ, читаемъ мы въ другомъ описаніи, вообще много отличаясь отъ Волынціи, рѣзко отличается отъ чисто-русского народа по наружности, именно: цвѣтъ лица большою частію смуглый у мужчинъ и блѣдно-желтый у женщинъ, волоса черные, ростъ средній, глаза сѣрые и рѣдко голубые. На сто человѣкъ вѣрно можно положить пять, кои имѣли бы лицо блѣдое съ волосами бѣлыми или рыжими». (Волынскія Губернскія Вѣдом. 1859 г. № 15).

Ближайшіе родичи волынскихъ Полѣшуковъ—Полѣшушки Сѣдлецкой губ.—«по большей части блѣлокуры». Русск. Филологич. Вѣсти. 1884 г. № 2, стр. 255.

О цвѣтѣ волосъ и глазъ у Малоруссовъ наиболѣе родственныхъ между собою во всѣхъ отношеніяхъ, именно у Украинцевъ, Галичанъ и горцевъ см. у Талько-Грынцевича (Zoologic wiad. do antropologii krajowej, т. XIV).

⁴⁾ Аиучинъ. О географическомъ распределеніи роста, карта VI.—Закржевскій въ Zbiorach wiadomości do antropologii krajowej, т. XV, карта. Срв. Аиучинъ статья «Великоруссы» въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Эфрона (1892).—Зырянъ въ Удорѣ—«народъ рослый, сильный». Вологодскій Сборникъ, I, 21.

«Финнія племена ассимилировались (съ Великоруссами) только отчасти; гораздо въ большихъ массахъ они подвигались далъе и убѣгали отъ поглощающей славянской стихіи. Подобные факты совершались и на нашихъ глазахъ: Мордва ¹⁾ подвинулась въ началѣ XVIII вѣка въ Саратовскую губернію изъ Пензенской, гдѣ тѣснило ее распространившееся русское народонаселеніе ²⁾.

Да въ недавнее время докторъ Елисеевъ въ своей статьѣ по археологии и антропологии Ильменского бассейна (которая, къ нашему удивленію, осталась совершенно неизвѣстна проф. Зографу) пришелъ къ такимъ соображеніямъ. «Первые славянские пришельцы, говорить онъ, достигшіе волоковъ, раздѣляющихъ бассейны Волги, Днѣпра, Западной Двины и Ильмени, встрѣтили въ этихъ мѣстностяхъ полубродячее, полуосѣдлое племя финско-угорской семьи... Все болѣе подвигаясь къ сѣверу и сѣверо-западу, Славяне тѣмъ болѣе тѣснилиaborигенныхъ финніи племена. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Финновъ было немного и гдѣ этихъ исчѣдныхъ ничто не приковывало къ данной мѣстности, какъ напримѣрь финновъ полудикихъ-охотничихъ, Славяне, разумѣется, подвигались впередъ безпрепятственно. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе было кучнѣе и гдѣ, слѣдовательно, было больше условій, приковывавшихъ осѣдлыхъ туземцевъ, а также тамъ, гдѣ финнамъ дѣваться было некуда, Славяне встрѣчали со стороны послѣднихъ отчаянное сопротивленіе... Финъ тихъ и миролюбивъ по природѣ, это правда; но если затронуть его, онъ сражается какъ левъ; не даромъ Новгородцы и потомъ Шведы въ своихъ войнахъ употребляли съ такою охотою финніи полки... Рядъ кургановъ по обѣимъ берегамъ Ловати, Полы, Мсты и отчасти Волхова, Порусы и Полнѣи обозначаетъ собою путь, по которому въ бассейнѣ Ильмени двигалась къ сѣверу славянская колонизация, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на тѣ мѣста, гдѣ пришельцамъ было оказано большее или иенѣшее сопротивленіе со стороны туземцевъ... Въ этихъ мѣстахъ, одаренныхъ всѣми благами, какія только возможны подъ этойю параллелью, гдѣ населеніе было искони, пришельцамъ Славянамъ было оказано сильное сопротивленіе. Съ бою славянскіе колонисты завладѣли каждымъ кусочкомъ земли, кровью свою и финнію они оросили ее, и группы кургановъ, полныхъ человѣческими костями, подтверждаютъ это. У дд. Теребини ихъ 6, Середки и Селяхи по 3, въ Далевѣ, Коньковѣ по 4, Перегѣскѣ, Коломнѣ 5, при Рыдинѣ 7, при Волиѣ 14, при Золотомъ Камѣ 17. Въ плодородныхъ мѣстностяхъ между Шелонью и Ловатью группы кургановъ свидѣтельствуютъ также, что и здѣсь туземцы уступили пришельцамъ не безъ упорной борьбы. То же самое замѣчаемъ мы и въ плодородныхъ мѣстностяхъ Демянскаго уѣзда, гдѣ полны человѣческими костями группы сопокъ» ³⁾.

Теорія иирнаго занятія Русскими пустыхъ земель инынѣшнаго великорусскаго центра и поселенія рядомъ съ Финнами не имѣть за собою никакихъ основаній. Въ ея пользу не говорять ничего ни лѣтоиси, ни преданія, ви языкъ Великоруссовъ центра.

Начальная лѣтоиси знаетъ финновъ лишь въ венчанихъ мѣстахъ центра: Мурому у города Мурома и при устьѣ Оки и Мерю на берегахъ озера Ростовскаго и Клещинина. Она упоминаетъ о нихъ лишь на первыхъ своихъ страницахъ, причисляя ихъ къ народамъ, «дающимъ дань Руси», наравнѣ съ Мордвою, Печерою, Литвою. Другія, болѣе поздніяя лѣтоиси: Киевская, Новгородская, даже Сузdalская, не называютъ ни разу самыи имена этихъ финнскихъ народовъ. Недавно открытое «Слово о погибели русской земли», половины XIII вѣка, перечисляя «поганскія страны», говоритъ только о Мордвѣ, Бургасахъ, Черемисахъ. Такимъ образомъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ относительно того, что случилось съ Мурою и Мерею, слизись ли эти Финны съ Русскими, или удалились на востокъ, и можемъ судить лишь на основаніи аналогій. Русскіе въ исто-

¹⁾ Мы можемъ указать еще на Вотаковъ, которые, по мѣстному преданію, подвинулись съ сѣверо-запада Вятской губерніи на юго-востокъ. См. статью «Вотаки» въ Энциклопедич. Словарѣ Брокгауз-Эфрана (1892 г.).

²⁾ Основа 1861 г., № 2, стр. 128 (статья: «Отвѣтъ на выходки газеты С за з.»).

³⁾ Жури. М. и. Н. Пр. 1881 г. № 5 (ст. «Къ археологии и антропологии Ильменского бассейна»). Авторъ нашелъ въ курганахъ черепа долихоцефальные, по его мнѣнію—финніи, и брахицефальные, по его мнѣнію—руssкіе.

рическое время нигдѣ не выказали стремленія къ обрушенію Финновъ, и Новгородцы, напримѣръ, столь мало позабылись объ обрушеніи своихъ Воды и Ижоры, что послѣдніе и до сихъ поръ остаются Финнами; поэтому, кажется, вполнѣ позволительно думать, что Мурома, жившая при устьѣ Оки и сосѣдившая съ Мордвою, во всякомъ случаѣ не охваченная съ разныхъ сторонъ русскими поселеніями, если бы осталась въ мѣстахъ своего жительства, сохранила бы до поздѣйшаго времени свою вародность. И такъ, повидимому, она ушла подъ напоромъ русскихъ сосѣдей и отъ притѣсненій русскихъ сбортниковъ дали.

Ни Начальная лѣтопись, ни другія не говорятъ объ мирныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ Русскихъ къ Финнамъ. Послѣдніе «даютъ давъ Руси», даютъ, какъ естественно предполагать и какъ видно изъ показаній лѣтописей, вѣ добровольно, а по принужденію. Если Вода и Ижора, сосѣди Новгородцевъ, въ историческое время уже смирились съ своею участіемъ давниковъ¹⁾, то другіе Финны, болѣе отдаленныя отъ большихъ русскихъ городовъ, платить дань лишь тогда, когда передъ ними являются «данщики» съ многочисленными дружинами или цѣлымъ войска и когда сопротивленіе невозможно. Лишь только они чувствуютъ себя въ состояніи дать отпоръ Русскимъ, они отстаиваютъ свою свободу. Новгородская лѣтопись полна описаній походовъ Новгородцевъ на западную «Чудь», т. е. на Эстовъ; въ ней же нѣсколько извѣстій объ избеніи «данщицковъ» съ дружинами «за Волокомъ», въ Печерѣ въ Югрѣ (1079, 1167, 1193 гг.). Суздальская лѣтопись не разъ говорить о походахъ Суздальцевъ на Морду. Вообще въ историческое время (XI—XIV вв.), по лѣтописямъ, вѣздѣ—и на западѣ, и на сѣверѣ, и на востокѣ—взаимныя отношенія Русскихъ и Финновъ таковы, что вдали отъ большихъ русскихъ городовъ первымъ невозможно показываться среди послѣднихъ въ видѣ мирныхъ колонистовъ, семьями или даже небольшими общинами.

Нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія особенно интересны. Запись Паремейника 1271 года говорить, что овъ написанъ «Матигорцамъ за Волокъ», т. е. жителямъ поселенія Матигоры, на югѣ нынѣшней Архангельской губерніи, очевидно Русскимъ. Она показываетъ, что въ половинѣ XIII вѣка были уже болѣе или менѣе значительныя русскія поселенія по нижнему теченію Сѣверной Двины. Новгородская лѣтопись даетъ намъ право предполагать, что отношенія этой русской колоніи иъ ея финскимъ сосѣдямъ съ юга не были дружественными. Въ ней подъ 1219 годомъ упоминается о походѣ Новгородцевъ «на Тоймокары», т. е. по всейѣѣности на жителей городка Тоймы, упоминаемаго въ уставѣ кн. Святослава Ольговича XIII вѣка, на берегу реки Тоймы (въ нынѣшней Вологодской губ., близъ границы Архангельской), на тѣхъ «поганыхъ Тоймичахъ», о которыхъ говорить «Слово о погибели русской земли»; а подъ 1323, 1324, 1329 годами разсказывается о возстаніи Устюжанъ (т. е. Финновъ, владѣвшихъ городомъ, который Русскіе называли Устюгомъ), о походѣ на нихъ, кончившемся миромъ «по старой пошлини», обѣ избеніи ими Новгородцевъ. Какъ будто всѣ эти походы предприняты Новгородцами для защиты своей колоніи, занявшей очень выгодное для морскихъ промысловъ мѣсто и захватившей эти промыслы въ свои руки,—отъ тѣсниншихъ ее туземцевъ²⁾.

Современныя преданія или совсѣмъ молчатъ о Финнахъ (между прочимъ во всемъ великорусскомъ цвѣтѣ), или говорить о борьбѣ съ ними, кончившейся ихъ бѣгствомъ или истребленіемъ. Нашъ сѣверъ (губерніи Архангельская, Вологодская, Олонецкая, отчасти даже Пермская) вообще богатъ преданіями о «Чуди бѣлоглазой», а ближайшая къ Двинѣ часть Архангельской губ. (уѣзды Шевкурскій и Холмогорскій) въ особенности.— Въ Шенкурскомъ уѣздѣ рассказываютъ, что прежніе его обитатели, Чудь, отчаянно за-

¹⁾ Лишь одинъ разъ, подъ 1069 г., Новгородская лѣтопись позволяетъ думать, что было возстаніе, или замѣна Воды. Она говоритъ: «о велика бяше сѣча Вожаномъ! и паде ихъ безчисленное число».

²⁾ Двинская колонія Новгородцевъ должна быть одной изъ старшихъ русскихъ колоній на сѣверѣ. Говоръ Двинянъ въ XIV вѣкѣ уже былъ отличенъ отъ новгородского того же времени. Говоры современныхъ потомковъ Двинянъ также имѣютъ свои рѣзкія особенности, какихъ нѣтъ въ другихъ говорахъ сѣвера, происходящихъ отъ древнаго новгородского.

ищались отъ Русскихъ и для этого строили крѣпости на каждомъ удобномъ мѣстѣ. Но защита имъ не удалась, и одинъ изъ нихъ бѣжали въ лѣса, другое со всѣмъ имущество закапывались въ глубокія ямы и таинъ убивали сами себя. Послѣднее дѣлалось такимъ образомъ. Выкопанные ямы покрывались крышею изъ столбовъ, на крыши накладывались земля и камни; затѣмъ Чудь сходила въ ямы, подрубала столбы и гвоздя. Въ деревнѣ Чученалѣ, на рѣкѣ Мезени (близъ границы Вологодской губ.), рассказываютъ, что Русские, поселившись въ этихъ мѣстахъ, такъ расправились съ своими сосѣдами— «Чудью бѣлоглазою»: они зимою прорубили въ рѣкѣ ледъ и загнали Чудь въ полынью ¹⁾).

Подобный преданія прекрасно дополняются одной дѣтской игрой въ Пинежскомъ уѣздѣ. Она говорить только о Самоѣдахъ, но, конечно, характеризуетъ отношенія Русскихъ старого времени вообще къ сосѣдямъ туземцамъ. Эта «игра въ Самоѣда», игра, сходная съ игрой въ прятки, состоять въ томъ, что половина играющихъ дѣтей прячется, а другая идетъ разыскивать ихъ съ слѣдующимъ четверостишиемъ:

Пойдемъ Самоѣдъ искать,
Самоѣдочку трепать;
Ужъ мы Самоѣдъ найдемъ,
Пополамъ разорвемъ.

Найденные ведутся на веревкѣ и кладутся ва землю; а поймавшіе, наложивъ имъ на грудь колѣно, спрашивають: смерти или живота? и давать до тѣхъ поръ, пока тѣ не скажутъ: живота ²⁾.

Что наконецъ говорить намъ языкъ Великоруссовъ центра? Покойный Вескѣ въ своихъ вообще очень почтенныхъ «Славяно-финскихъ культурныхъ отношеніяхъ по даннымъ языка» (Казань, 1890) отмѣтилъ небольшое количество словъ, будто бы заимствованныхъ Великоруссами центра у финновъ и находящихся въ говорахъ центральныхъ губерній, въ родѣ торкать, туриТЬ, лебезить, холить, лытать, коверкать, кувыркать, ковырять, каверзить, юркій, вехоть, калужа. Но ни одно изъ этихъ словъ не можетъ быть признано даже съ нѣкоторою вѣроятностю за финское по происхожденію; напротивъ, большая часть или существуетъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (например, въ словинскомъ чеhетъ, въ чешскомъ trkati, k aluže), или

¹⁾ Преданія нашего сѣвера о Чуди собраны у Ефионика, Завоеванія Чудь Архангельск., 1869.—Вотъ еще преданіе жителей г. Никольска (Вологодской губ.). Они рассказываютъ, что въ окрестностяхъ ихъ города нѣкогда жилъ поганый народъ, который прятался отъ Русскихъ въ ямы, прикрытые сверху землею; что Русские обрушивали крыши на этихъ поганыхъ и тѣмъ душили ихъ. Вологодскій Сборникъ, V, 195.—Литература о Чудь отчасти указана А. Н. Веселовскимъ въ «Замѣткахъ о литературѣ и народной поэзіи», Спб. 1883, стр. 83—84. Слово Чудь въ Архангельской губерніи употребляется съ одной стороны какъ бранное, съ другой—матерыми для страшанья дѣтей.

²⁾ Ефименко, Материалы по этнографіи р. населения Арханг. губ. I, 155 (Изъ Общ. Люб. Естеств. Астр. и Эти., т. XXX).

Едва ли не о до-исторической борьбѣ Русскихъ съ Финнами говорить одна корельская легенда.

«Мудрецъ Похольскій, старый вѣщунъ, собралъ всѣхъ Суомалайнъ, передањь князю жѣ дары и приглашалъ послушать его слова. Онъ повѣдалъ только, что открылось ему въ полученніемъ сиѣ. Видѣлъ я, говорилъ мудрецъ, что въ далекой Vanaja (Руси) подымается грозная бура... Идите отсюда поэтому по большой рѣкѣ (Волхову?) къ великому озеру (Ладожскому). Я слушая траву въ зеленомъ полѣ, слушалъ стрекотанье кузинчика въ густой зелени, спрашивалъ вѣтеръ, летящій отъ юга, вопрошалъ рыбу въ великой рѣкѣ, спрашивалъ быструю птицу, быстро несущагося зайца, мудраго медведя и узналъ, что грозитъ бѣда народу Суомалайнъ. Послушались разумные люди и со стадами своими ушли по рѣкѣ къ великому озеру, а неразумные остались. Имъ жалко было бросить рыбу въ рѣкѣ, траву на лугахъ, пшеницу въ полѣ и въ лѣсу, и они не побоялись словъ похольского старца. Сонъ же мудреца исполнился. Грозная бура поднялась съ далекой Vanaja, великия волны разбили лодки непослушныхъ, добрый народъ погубили грозные люди, пришедшие по великой рѣкѣ. Стонутъ сыны суомийские подъ тяжелой рукою страшныхъ враговъ; ихъ стрѣлы только склонялись по искусно выкованнымъ грудамъ чужеземцевъ; добрый народъ изрубили южные люди, увѣли съ собою они прекрасныхъ какъ радуга дѣвъ сѣвера въ тѣжкую неволю». Древн. и Нов. Россія 1880 г. № 10, стр. 273—274 (ст. Елисеева).

имѣть въ нихъ близкихъ и весомиѣнныхъ родичей (въ церквино-славянскомъ языѣ лобъзати). Другие ученые, разыскивавшіе финнізмы въ великорусскомъ нарѣчи, были еще менѣе счастливы, чѣмъ Вескѣ. Конечно, будущіе изслѣдователи, которые соединять съ знаніемъ русскихъ говоровъ и славянскихъ нарѣчій отличное знаніе финнізмовъ (особенно восточныхъ), можетъ быть, разыщутъ какіе-нибудь финнізмы, искони принадлежащіе говорамъ центра, а не заимствованные ими изъ говоровъ сѣвера, какъ кенги, ягель, салакушка, можетъ быть сельдь, сенга, сигъ, наяга; но сомнительно, чтобы эти финнізмы оказались сколько-нибудь многочисленными. Мы думаемъ такъ на основаніи давнихъ говоровъ вашіхъ сѣверянъ, искони жившихъ рядомъ съ Финнами, пришедшихъ на сѣверъ издалека и встрѣтившихъ въ сѣверной природѣ очень иного для себя нового. Эти говоры далеко не богаты финнізмами. Ни одинъ изъ нихъ не представляетъ сходства съ тѣми говорами Сибири, которые принадлежать Русскимъ сѣшившимся съ инородцами и въ которыхъ остицкія, тунгускія, якутскія, бурятскія слова, съ самыми разнообразными значеніями, находятся почти въ томъ же количествѣ, какъ и русскія. Финнізмы изъ нихъ сѣверныхъ говоровъ—почти исключительно тѣ слова, которыхъ обозначаютъ растенія, растущія только на сѣверѣ, рыбы, водящихся только въ сѣверныхъ рѣкахъ и ворахъ, снаряды и способы ихъ ловли, суда, приспособленные для плаванья по сѣвернымъ рѣкамъ и озерамъ, особенности сѣверной природы въ т. п., словомъ тѣ слова, которыхъ до извѣстной степени необходимо заимствовать пришельцамъ отъ туземцевъ и которыхъ могутъ быть заимствованы при отсутствіи сколько-нибудь тѣснаго общеія между ними. Вотъ рядъ ихъ: и янда (болотная сосна), паккула (нарость на березѣ), ти нда, вальчакъ, лохъ, кирьякъ, лоншать, панъ (возванія семги), тагасъ (неводъ для ловли снятковъ), гарва (сѣть для ловли сенги), куря (сѣть въ рѣкѣ на колыхъ), торбать (пугать весломъ рыбу), куря (рѣчка, рѣчная заводь), салиа (проливъ между островами), селга, шалга (сырая поросшая лѣсомъ мѣстность), една (болотистая мѣстность), ке ида (возвышенный песчаный берегъ), и егъ (вдающаяся въ рѣку часть берега) шуга (осенний мелкій ледъ). Финнізмы съ болѣе общими значеніемъ, въ родѣ кехтать (желать), кульпаться (бахтаться въ водѣ), малтать (понимать), и мало распространены, и малоизвестны²⁾.

Намъ могутъ указать на мѣстные названія рѣкъ, озеръ, горъ, разсѣянныя по всѣмъ землямъ великорусского центра, финскія по происхожденію. Но мѣстные названія—такія слова, которыхъ вездѣ отличаются замѣчательною живучестью и которыхъ до чрезвычайности легко, при самомъ слабомъ общеіи, переходять, отъ одного народа къ другому (черезъ путешественниковъ, лазутчиковъ, цыганъ). Мы теперь еще пользуемся скійскими или сарматскими названіями Дона, Днѣпра, Днѣстра, Прута; весь цивилизованный міръ употребляетъ вариарскія имѣва Миссисипи, Миссouri, Мичиганъ, Онтаріо и т. п.

И такъ, нѣтъ данныхъ, которыхъ бы говорили о мирномъ занятіи Русскими пустыхъ земель рядомъ съ Финнами.

И это вполнѣ естественно. Можно ли говорить о пустыхъ, никому въ той или другой степени не принадлежавшихъ земляхъ на берегахъ Волги, Оки, Клязмы въ тѣ времена, когда сѣверные тундры уже имѣли свое населеніе? Можно ли говорить объ отсутствіи населенія или его чрезвычайной рѣдкости, когда даже ничтожныя по величинѣ рѣчки и ручьи великорусского центра имѣють не-славянскія названія и тѣмъ показываютъ, что передъ приходомъ Русскихъ при нихъ или близко отъ нихъ находилось не-славянское населеніе? Имѣемъ ли мы право полагать, что занимавшіе лучшія мѣста Финны добровольно подѣлились своими пастбищами, бортными урожаями, рыбными

¹⁾ Подобные слова заимствованы, напримѣръ, Европойцами у туземцевъ Австралии: названія животныхъ конгуру, динго, вомбатъ и др.

²⁾ Финнізмы со специальными значеніемъ встрѣчаются (и не рѣдко) въ сѣверно-русскихъ документахъ XIV—XVII вв. (селга въ документѣ 1391 г., куря въ документѣ XIV в., една, вода куромная въ док. XIV—XV в., ти нда, гарва въ док. 1591 г., тагасъ въ док. XVII в.), финнізмы же съ общими значеніемъ имѣютъ известны.

людьми съ пришельцами Русскими, или что Русские, болѣе цивилизованные и лучше вооруженные, чѣмъ Финны, выѣди добровольно изъ своей прародины, не попробовали отнять лучшія мѣста у Финновъ и поселились въ какихъ-нибудь линеныхъ для ту-земцевъ цѣнности болотахъ и грущобахъ? Мы можемъ отвѣтить на эти вопросы лишь отрицательно. Вотъ кое-какія данныя изъ современности и недавнаго прошлаго, когда правительственная власть уже охраняла права туземцевъ Финновъ.

У Богуловъ, разсказывается Альквистъ, «земля, или лучше сказать—лѣсъ есть общее достояніе, такъ что каждый имѣть право въ немъ охотиться и стрѣлять, сколько ему угодно. Живущимъ южнѣе по р. Целиму Русскимъ Богулы не иначе позволяютъ скотиться, какъ только вѣдѣтъ съ ними... Богуль свое право охоты дѣлать съ Русскимъ, а сей послѣдній снабжаетъ его за то хлѣбомъ, вся же добыча дѣлится на равные части. Но относительно рыболовства существуютъ другіе порядки, такъ какъ всякое устье или другое какое-нибудь рыбное мѣсто на рѣкѣ имѣть своего владѣльца, отъ котораго только Русскіе и могутъ брать эти мѣста на аренду» ¹⁾.

«Самыя лучшія и выгодныя мѣста (въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губ.), какъ напримѣръ около рѣкъ и по возвышеностямъ, заселены коренными мѣстными жителями Мордвою... Рассказываютъ, что лѣтъ за 70 у жителей деревни Нехорошева (Лукояновскаго уѣзда) каждую весну бывали сраженія съ сосѣднею Мордвою изъ-за земли. Сражались кольями, стрѣляли изъ лучка каменьемъ и побоище рѣдко обходилось безъ смертоубийствъ» ²⁾.

Мы думаемъ, что Великоруссы центра не могутъ быть потомками Финновъ въ такой же степени, въ какой и потомками Русскихъ. Это, конечно, не мѣшаетъ намъ видѣть въ нихъ и въ кого-то изъ примѣръ финской крови. По нашему мнѣнію, остатки Финновъ, загнанные въ болота и лѣсныя трущобы, были оставлены въ покой Русскими, и окруженные ими, мало по налѣчу обрусили. Обиліе финскихъ названій селъ и деревень въ какой-либо мѣстности есть, кажется, хороший признакъ того, что въ этой мѣстности болѣе или менѣе долго сохраняли свою народность Финны. Такое обиліе мы находимъ въ сѣверной, болотистой части Рязанской губерніи; здѣсь рѣдко названій въ родѣ: Наримушадъ, Салауръ, Вещуръ, Чарусъ, Ибердусъ, Нарима (Касимовскій уѣздъ), Шатуръ, Телема, Чисъма, Кочема, Тюрвицъ (Егорьевскій уѣздъ), Экшуръ, Ушимаръ, Изохта, Кайманъ, Чарсуль (Рязанскій уѣздъ) ³⁾, и при нихъ название всей мѣстности Мещерскюю стороню, а жителей ея кое-гдѣ Мещеряками ⁴⁾. Такое же обиліе финскихъ названій мы видимъ по рѣкѣ Костромѣ, Костромской губ.: Нукша, Шунга, Пестеньга, Колгора, Сандогора. Сверхъ того, свою долю вліянія на Великоруссовъ должны были оказать рабы Финны, иѣкогда, судя по давнѣй лѣтописей, многочисленные ⁵⁾.

Теперь нѣсколько словъ объ одномъ изъ типовъ великорусскихъ.

Сравненіе Великоруссовъ съ ихъ русскими и славянскими родичами позволяетъ намъ думать, что опущенный г. Зографомъ изъ виду, но нерѣдкій еще и теперь въ Великой Руси типъ—тениловолосый, отчасти темноглазый, отчасти свѣтлоглазый, не малорос-

¹⁾ Л. Н. Майковъ. О древней культурѣ западныхъ Финновъ, Спб. 1877, стр. 97.—Около 1638 г. Остяки подали челобитную на одного Русскаго, поселившагося при владеніи рѣки Дыбчаса въ Енисей: «Написалъ (онъ) воровски, будто-де то мѣсто у Дыбчаса пусто и не владѣть тѣмъ мѣстомъ никто..., а то мѣсто не пустое и владѣніе тѣмъ мѣстомъ именемъ вѣка дѣди наши и прадѣди;... и мы, сыроты твои, и отцы наши тамъ собою, всякаго сѣстнаго звѣра и рыбу промышляли». П. Н. Буцинскій, Мангазея и Мангазейскій уѣздъ, Харьковъ 1893, стр. 32.

²⁾ Нижегородскій Сборникъ, II, стр. 20, 229 (1869 г.).

³⁾ Мы, конечно, не принимаемъ во вниманіе названій поселеній тожественныхъ съ названіемъ рѣкъ (въ родѣ Москва).

⁴⁾ Толковая Палея, въ своемъ перечнѣ финскихъ племенъ (не менѣе древнѣмъ, чѣмъ перечнѣ Начальной лѣтописи), упоминаетъ о Мещерѣ, не указывая мѣстъ ея поселеній.

⁵⁾ Не они ли составляли ту чеяядь, которую во времена Святослава торговала Рѣсъ?

лый, съ бѣлымъ цвѣтомъ и съ правильными чертами лица, болѣе или менѣе красивый,— одинъ изъ чисто славянскихъ типовъ. Его мы находимъ въ Паозерьѣ, на берегахъ озера Ильменя, гдѣ живутъ прямые потомки древнихъ Новгородцевъ. «Въ этомъ краю, говорить наблюдатель, жители имѣютъ свой особенный характеръ, отличный отъ всѣхъ прочихъ жителей губерніи. Народъ рослый, мускулистый, широкоплечій. Лицо широкое съ прямымъ, довольно мясистымъ носомъ, съ карими глазами, съ темнорусыми густыми волосами на головѣ и бородѣ. Характера твердаго до упрямства, смѣлаго и разудалаго» ¹⁾. Этотъ типъ обыченъ въ средѣ великорусскаго духовенства (съ его свѣтскими по-томствомъ), въ средѣ того сословія, которое издревле представляло нѣкоторую замкнутость и брачилось по преимуществу между собою ²⁾). Этотъ же типъ постоянно воспѣвается въ великорусскихъ пѣсняхъ разныхъ мѣстностей, когда они говорятъ о чернобровыхъ и червоглазыхъ:

Изъ лица она красавица:
Безъ бѣлъль—лицо бѣлое,
Безъ румянъ—щечки розовы,
Безъ сурмилъ—брови черныя.

Прилегайте вы, кудри русыя,
Къ его лицу, лицу бѣлому,
Къ его щечкамъ, щечкамъ розовыемъ,
Къ его бровямъ, бровямъ черныимъ.

Чернобровая моя, подыми шляпу (Казань).

Саша чернобровая,
Черноброва хороша.

Чернобровый мальчикъ, черноглазый (Вологодская губ.) ³⁾.

A. Соболевскій.

Piesni ludu, zebrał Zygmunt Gloger (u latach 1861—1891), muzyce opracował Zygmunt Noskowski. Kraków. 1892. 8°, str. 361.

Какъ видно изъ словъ составителя, настоящій сборникъ образовался въ теченіи тридцати лѣтъ, посвященныхъ собиранию памятниковъ народнаго творчества. Въ предисловіи мы узнаемъ, что г. Глогерь началъ собирать народныя пѣсни еще будучи ученикомъ 4-го класса, иъ чему пріохотили его лекціи извѣстнаго К. В. Войницкаго, одного изъ первыхъ собирателей польскихъ народныхъ пѣсень. Перечитывая затѣмъ другіе сборники г. Глогеръ пришелъ къ заключенію, что даже извѣстные этнографы допускали въ текстахъ записываемыхъ пѣсень значительныя ошибки вслѣдствіе неправильнаго способа записыванія. Онъ поставилъ себѣ задачей выбрать изъ массы материала тексты наиболѣе простые, но характеристичные, которые могли бы послужить пособіемъ при изученіи народной словесности. Такимъ образомъ появился настоящій

¹⁾ Новгородскій Сборникъ, I, стр. 3.

²⁾ Это замѣчено не нами. См. Московскій Вѣдомости 1892 года № 210 («Научныя замѣтки») и 212.

³⁾ Овсянниковъ, Русскія народн. пѣсни, записанныя въ г. Казани (Каз. 1886). Вологодск. Сборн., IV. То же у нашихъ поэтовъ, какъ у подражавшихъ народныхъ пѣснямъ: Чернобровый, черноглазый молодецъ удалый (Мераляковъ), Лицо бѣлое,.. косы черныя (Кольцовъ), такъ часто и у не подражавшихъ (у Пушкина, Лермонтова). Пѣсни, и великорусскія (свадебныя), говорить о русой косѣ. Но понятіе о русомъ цвѣтѣ—понятіе очень широкое: современный языки называетъ русыми волосами—волосы отъ самыхъ свѣтлыхъ до почти-чёрныхъ.